

СУМАРОКОВ АЛЕКСАНДР

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Синав, князь Российский.
Трувор, брат его.
Гостомысл, знатнейший боярин Новгородский.
Ильмена, дочь его.
Вестник.
Паж.
Воины.

Действие есть в Новгороде в княжеском доме.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Гостомысл и Ильмена.

Гостомысл

Пришло желанное, Ильмена, мною время,
Соединить тобой мое с цесарским племя.
Весь град сего часа нетерпеливо ждет,
В который кровь моя в порфире процветет.
Уж к браку олтари цветами украшенны,
И брачные свечи в светильники вонзенны,
Готовься, дочь моя, готовься внити в храм.

Ильмена

Еще довольно дней осталось судьбам,
Которы погубить хотят меня несчастну
И, бедную, ввести в супружество бесстрастну.
Смотри ты, отче мой, на мой печальный зрак.
И если я мила, отсрочь, отсрочь сей брак.

Гостомысл

Ты счастья своего поднесь не презирала
И князю никогда суровства не являла...

Ильмена

Но было из всего удобно рассудить,
Хочу ль с Синавом я в супружество вступить:
Желаю ль я сего, хотя уста молчали,
Глаза мои тебе довольно отвечали.
Почто ты мною, князь, толь тщетно страстен стал,
А ты почто рвать дух толь твердо предпринял?
Я лестного являть приветства не умею,
А истинной к нему любви не имею.

И ежели уже сему союзу быть,
Так, отче мой, хоть срок потщися отложить,
Прибави времени еще на размышленье,
Чтоб я им как-нибудь умерила мученье
И чтоб могла я слез потоки удержать,
Когда ко браку мне пред олтари предстать.

Гостомысл

Несклонностию быть не можешь оправданна,
Синаву ты женой во мзду обетованна.
Во воздаянье он подъятых им трудов
И скипетр, и тебя имеет от богов,
Которы, утишив мятеж его рукою,
Нам подали опять дни сладкого покою.
Не будь несмысленна, упрямство истреби
И, сердце обуздав, принудься и люби.

Ильмена

Когда бы сердцем лъзя повелевати было,
По воле бы твоей оно его любило;
Но слаб рассудок мой природу одолеть,
И не могу себе толь много повелеть.

Гостомысл

Представь его труды любви своей в посредство
И мужеством его скончавшееся бедство.
Вообрази себе те страшны времена,
Когда мутился град и вся сия страна,
Отечество твое, отечество геройско,
И воужалося бунтующеся войско.
Прибыток всех вельмож во граде разделил,
Граждан и воинство на злобу устремил.
Уставы древние в презрение ниспали,
Правленье и суды всю область потеряли.
Един остался я при истине святой
И часть отечества вернейших чад со мной.
Коликое число смерть россов пожирала!
Их злоба на самих себя воспламеняла.
Друзья против друзей, родня против родни
Восстали разрушать благополучны дни.
Все дома были жен слезами окропленны,
И все поля мужей их кровью обогренны.
Алкал из сильных всяк правительство принять,
И не хотел никто законы защищать.
Вспомни, как твой брат оплакан был друзьями,
Мой сын, любезный сын, под градскими стенами.
Я сам изранен был и чаял умереть,
Сию ли бы по мне ты стала часть иметь.
К нам щедры небеса к скончанию печали
С полками трех князей для помощи послали!
Не для владения пришли они сюды,
Но только отвратить несчастливых беды.
Великодушием геройским восхищенны
И славою одной к Ильменю провожденны.
Синав и братьями и мной повелевал
И воинство свое с моим соединял.
Тотчас познался меч его в полках противных,

Предвозвещающая мир со тьмой побед предивных.
Казалось, тряслась тогда над нами твердь.
Непобедимое оружие и смерть
Упрямство прежнее в покорство пременили
И, злобу утолив, сердца соединили.
Настала тишина, и в воздаяние сил,
Которыми сей князь напасти прекратил,
Единогласно все на трон его желали
И, умолив его, венцом его венчали.
Но духа скипетром Синав не веселил,
Синав, во торжестве вздыхая, говорил:
На что мне то, что я владети удостоен?
Ваш князь, о Гостомысл! не может быть спокоен,
Доколе от тебя того не получит,
Что ныне все его веселие мрачит.
Я мысль его познал, любовь явна мне стала,
Котора на него оковы налажала.
В победах, под венцом, во славе, в торжестве
Спастися от любви нет силы в существе.
Что было мне сказать? Безумно прекословить,
Когда стремится рок нам счастье готовить.
И если б я ему в сем даре отказал,
Народ бы, мя презрев, ему Ильмену дал.

Ильмена

Какие правы-то? И сей устав отколе?
Народ бы дал меня! Иль я живу в неволе?

Гостомысл

Не только для него корону воспринять,
Для общества живот нам должно потерять.

Ильмена

Супружество сие народу бесполезно,
А мне, ах! бедственно, увы! и смертно слезно.

Гостомысл

Полезно в крайности защитника ласкать
И хвально милости заслугой воздавать:
Кто страждет, от того почтение не дико,
Когда беды прейдут, тогда оно велико.

Ильмена

Но не довольно ли защитник наш почтен?
Он нами царствовать над нами возведен.
Послушна я тебе и сей достойной власти
И быть хочу рабой, не ощущая страсти!
Похвальней мне ему рабою верной быть,
Как, став супругою, супруга не любить.
Он млад, красен, герой: глаза мои то видят,
Но в нем любовника противна ненавидят.
Вини безумие, что хочешь ты вини,
Но лишь намеренье, коль можешь, отмени.

Гостомысл

Я слово дал.

Ильмена

Меня не вопросив, ах! прежде,
Почто ты в таковой был суетной надежде,
Что будет с князем сим приятен мне союз?

Гостомысл

Отврата от таких тебе приятных уз
Нимало во уме моем не представлялось,
Желание его мне счастием являлось.
Когда ж нечаянно я в том обманут стал,
Не обвиняй меня, что я то слово дал,
Не мучь вздыханием своим меня напрасно.

Ильмена

Супружество сие мне так, как смерть, ужасно.

Гостомысл

Когда тебя любовь со князем сим делит,
Привычка с ним тебя, Ильмена, соединит.
Последуй моему родительску совету
И не бесчесть меня пременою обету.
Привычка естества сильнее иногда.

Ильмена

Я буду воздыхать и сетовать всегда.

Гостомысл

Что ж князю я скажу, не пременяя слова?

Ильмена

Я для тебя уже прияти смерть готова.
Но предприяв, никак того не пременить;
Хоть три дни дай еще мне, отче мой, прожить.

Гостомысл

Не представляй в уме такой суровой страсти,
Не воображай себе без бедствия напасти;
Но в трех желанных днях ты горесть утиши
И бедственный сей боль скорбящая души.

ЯВЛЕНИЕ II

Ильмена
(одна)

Исполнится сие мне злое приключенье,
И окончается по трех днях все мученье,
Которым ты меня, мой отче, погубил.
А ты, который мя несклонну полюбил,
Увидишь не в одре меня по песнях брачных,
Не в одр пойду, во гроб, и там в пещерах мрачных
Я сердце, коль его принудить не могу,
Любезну Трувору невинно собрегу!
Но я несчастная, не ведая, вещаю,
Любовнику ль уже я сердце посвящаю!
Не суетою ли я льщу себе маня!
Не облыгают ли глаза мои меня
И представляют мне на скорби и мученье
Признаками любви единое почтенье!
Ах! нет, его мне взор вседневно говорит,
Что сердце и его любовь горит.
Когда ты, о любовь! с судьбой не согласилась;
Несчастлива любовь! Почто ты в нас вселилась?
Пылай во мне любовь! Не долго мне гореть.
О солнце! скоро я тебя престану зреть!

ЯВЛЕНИЕ III

Синае, Трувор и Ильмена.

Синав

Ко угождению тебе наш брак отсрочен,
Перед тобой и в том я буду беспорочен.
Но отчего в тебе смятение сие,
Которо мне теперь явит лице твое?
Стенящу зрю тебя, смущенну, торопливу:
Или в плененье взяв ты душу горделиву,
Намерена во мзду любви меня томить
И бодрствующий дух в унылый пременить?
Какою пред тобой виновен я прослугой,
Или что делаю тебя своей супругой
И возвожу на трон с собою обладать,
Из уст твоих хочу уставы я подать?
Что ты, дражайшая, час брака удалила,
Ты сим меня одним довольно огорчила.
Почто супружество нам дале отлагать
И нежную мне страсть еще превозмогать?
Свидетельствуюсь * им, размучен мыслями злыми,
(* Указывая на Трувора.)
{* Этим знаком А. П. Сумароков отмечал,
где именно актер должен произвести действие,
указанное в ремарке. (Примеч. сост.)}
Как жестоко пронзен я взорами твоими!
Он точно ведает, как я тебя люблю,
И знает только ночь, спокойно ли я сплю.
Что ты несклонна мне, я видел то и прежде,
Но зря почтение, был в страхе и надежде.
И ежели была несклонность от стыда,
Так не был я тобой несчастлив никогда.
А ежели не стыд я вижу пред собою,
О коль несчастлив я, дражайшая, тобою!

Ильмена

Не спрашивай теперь смятения вины;
Из уст уведаешь ты то своей жены!
Что мне велел отец, то мною утверждено,
И вниду в храм с тобой, хотя бы принужденно.

Синав

Я все твои слова приемлю за устав
И быть хочу во всем перед тобою прав;
В тебе любовницу я чту и дочь геройску.
Скажи ты, Трувор, то жрецам, вельможам, войску,
Что радости свои уже отсрочил я,
И повтори сие родителю ея,
Что я исполнил то.

ЯВЛЕНИЕ IV

Ильмена и Трувор.

Трувор

Так ты уж предприяла
Его супругой быть.

Ильмена

Хотя и не желала.

Трувор

О, коль несчастный, брат, ты ныне счастлив стал!

Ильмена

Ты счастием его напасть мою назвал:
По повелению ему супругой буду,
Но в одр... чего хочу?.. Пойдем скорей отсюда.
Исполнь его приказ.

Трувор

Почто ему я брат!
Увы! Почто, когда пленил его твой взгляд!
О дружба! О родство! Вы мне противны стали!
Вы мне источники смертельный печали!

Ильмена

Молчи, о князь, молчи! Не изъясняй себя.

Трувор

Возможно ли молчать, лишаясь тебя!
И ах! на что ты мне молчать напоминаешь?
Что я тебя люблю, уже давно ты знаешь.

Ильмена

Какой еще удар мне сердце уразил,
Почто, дрожайший взор, ты грудь мою пронзил!
О солнце! Небеса! О праведные боги!

Трувор

О время! О судьбы! За что вы нам толь строги!
Удобно ли мне скорбь такую претерпеть,
Что буду я тебя чужой супругой зреть,
Красу твою чужим желаньям врученну,
И сердца моего утеху похищенну?

Ильмена

Я с именем умру любовницы твоей
И девой сиду в гроб; не чувствуй муки сей.

Трувор

Ты брату моему хотела быть женою.

Ильмена

Не обвиняй меня невольною виною,
И дай исполнити родительский приказ.
Ах! есть ли в свете кто несчастливее нас?

Трувор

Твой дух не так, как мой, сим браком будет мучен,
А я пребуду в век на свете злополучен,
Хотя мой век напасть и скоро весь промчит,
Когда она меня с тобою разлучит.
И как меня, увы! пожрет земли утроба,
Приди когда-нибудь ко мне на место гроба;
И если буду жить я в памяти твоей,
Хоть малу жертву дай во тьме душе моей,
И тень вообрази мою перед глазами,
Оплачь мою злу часть, омой мой гроб слезами.

Ильмена

Владычествуй собой и менее страдай,
А жертвы от меня иные ожидай.
Не слезы буду лить я, жертвуя любви:
Когда тебя лишусь, польются токи крови.

Трувор

Поняты не могу я сих твоих речей.

Ильмена

Поймешь, когда моих померкнет свет очей.

Трувор

Мне мысль твоя темна, как я ни рассуждаю.

Ильмена

Скончаем разговор, я паче им страдаю.
О Трувор! ты мне мил, но мне твоей не быть;
Ничто не может нас с тобой совокупить.
Умерь свою тоску, лишаяся Ильмены,
Уже не получишь страданием премены.
Сноси сию болезнь, надежду погубя
Для горьких слез моих, пролитых для тебя.

Трувор

Какою мучуся я лютою судьбою!

Ильмена

Скрывай любовь! Отец Ильмены пред тобою.

ЯВЛЕНИЕ V

Трувор, Ильмена и Гостомысл.

Трувор

Мой брат с Ильменою о браке говорил
И сделал, как о том его ты сам просил,
Покорствуя во всем твоей прекрасной дщери.
Уже затворены отперсты в храме двери.
А мне он дал приказ, чтоб я тебе сказал,
Что он исполнил то, на что он слово дал.

Гостомысл

К нему на всякий день растет мое почтенье.
Скажи Синаву ты мое благодаренье...
Но что ты, князь?.. И ты, мятешься, вся стена!

Ильмена

Мятусь, остави ты в смятении меня.
Я горести своей даюся безрассудно,
Как должность ни храню, принудить сердце трудно.

Гостомысл

Не познаваю ль я желанья твоего?

Ильмена

Мое желанье смерть: нет боле ничего,
Что в скорби мне б моей целенье обещало,
И утешение малейше предвещало.

Гостомысл

Написано уже на ваших мне очах;
Сокрыто таинство во обоих сердцах.

Ильмена

Коль ты его познал из обстоятельств вредных,
Почувствуй нашу скорбь и сожалеи о бедных.

Трувор

Отколе ты взялся, собор толиких мук!
Кто хочет из моих любезную взять рук!
Мой брат! И кто ее из рук моих вручает?
Отец ея. Увы! мой дух изнемогает.

Гостомысл

Колико ты, судьба, несчастных собрала
В сии в сем граде дни...

Ильмена
(Гостомыслу)

Коль я тебе мила...

Гостомысл
(Трувору)

Преодолей себя и вознесися паче,
Не оставляй свою возлюбленную в плаче.
Она последует примеру твоему.

Ильмена

Иного нет конца днесь бедствию сему...

Гостомысл

Не множьте моего вы больше огорченья,
Поди, поди и ты, не множь ее мученья.

Трувор
(отходя)

Не буду сопряжен во веки я с тобой!

Ильмена
(отходя)

Бори свою любовь и овладей собой!

ЯВЛЕНИЕ VI

Гостомысл
(один)

По окончании народныя печали,
Такой ли радости вы, мысли, ожидали?
Синав! о храбрый князь! Я к току горьких слез
Любезной дочери тебя на трон вознес.
О злополучие! Или ты мне природно?
Я зрю, что все мое старание бесплодно:
Беды родят беды, не вижу им конца,
И сделали меня тираном из отца.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Синав и Трувор.

Синав

Я стражду в муке злой невестою своею.
Скажи мне, Трувор, ты остался тамо с нею,
Не внял ли ты из слов ея любви какой,
Которая б ея разрушила покой?
Конечно, душу то Ильмены возмущает
И от супружества толь знатна отвращает.
Во граде, при дворе, или в чертогах сих,
Конечно, некто ей причиной мук таких,
Конечно, кто при мне, в полках или гражданстве,
Из подданных моих имея ту в подданстве,
Котора возмогла их князем овладеть,
Отъемлет сердце... ах! Возможно ль то стерпеть!

Трувор

А ежели то так, и если то познаешь;
Что в сей горячности ты суетно стонаешь?

Синав

Кто тщится все мои утехи погубить,
Тот дерзостью мой гнев стремится возбудить.

Трувор

Так к казни общество себе тебя венчало?

Синав

Тиранство от любви не раз уже бывало.
О небо! в сердце мне щедроту вкореня,
Не сделай, наконец, мучителем меня!

Трувор

Кто хочет помнить долг, не может быть злобен:
Не забывай его и будь себе подобен.
Коль будем таковы, что скажет град о нас?
Какой по северу отсель раздастся глас?
Что будут мыслить державы сей соседы?
Умолкнет славы рог, померкнут все победы,
Которыми мы толь высоко вознеслись;
И для того ль, когда граждане здесь спаслись,
Мы бремя их от них толь славно отвратили,
Чтоб бременем своим мы их отяготили.
Наш младший брат отсель отсутствен, смею я
Один тебе сказать, что страждет честь твоя.
Рабы твои, о князь! твои любезны дети:
Не зачинай иным ты образом владети!

Синав

Когда бы ты кого толико сам любил,
Так ты сию бы речь конечно позабыл.

Трувор

Нет, истина бы мне была во основанье:
Я б начал умерять неправое желанье,
И воспротивясь бы природе сколько мог,
Сей пламень бы смягчил, который бы мя жег.

Синав

Я чувствую в себе болезнь неутолиму:
Что злей есть, как любить, и ах! не быть любиму!

Трувор

Еще стократно злей в любви взаимной тлеть,
И в сладостях ее надежды не иметь.

Синав

Я б горесть такову вкушал алкая, в сладость,
Печали бы мои в себе имели радость.
Хотя бы я в любви утечи не имел,
Я б тем доволен был, что сердцем я владел,
Которое бы мне вздыхание давало,
Вздыхание б мое подобно воспримало:
Я всю б мою напасть с любезной разделял,
И сим страданием себя увеселял.

Трувор

Ильмена ли одна красу очам являет?
Красавицами все жилище здесь сияет.
Природа лучших дев в сей град произвела,

Любовь сии брега столицей избрала,
И землю осудив сию на жертву хладу,
Рождает красоту на место винограду.
Всмотрись когда-нибудь в собраньи, в торжестве,
Что краше наших дев ты сыщешь в естестве!
Всмотрись, и отвратив ты взор от сей суровой,
Другую избери и тай в любви новой,
Которая б тебе утеху принесла.

Синав

Уже сия любовь высоко возросла
И твердо корень свой по сердцу пространила;
Ильменина краса навек меня пленила!

ЯВЛЕНИЕ II

Те ж и Гостомысл.

Гостомысл

Благодаренье, князь, мое донесено...

Синав

Но сердце, ах! мое смертельно стеснено.
Я дочерью твоей смущен неизреченно,
Весь ум, все чувство Ильменной огорченно,
Мне жизнь без сих очей и счастье суета;
Отвергла мысли все сей девы красота,
Успехи славных дел моих остановила
И к малодушию мой гордый дух склонила.
На что над Россами тобой приял я власть,
Коль мечет мя, как вал малейше судно, страсть?
На что я в сей стране народами владею,
Коль больше над собой я власти не имею!
Я вижу то, что я красавице не мил.
К чему меня, к чему мой рок определил!

Гостомысл

Когда она твоей супругой назовется,
Тогда и грусть твоя и мука разорвется;
Ильмену знаю я: мне нрав ее знаком,
Хоть подлинно она вздыхает днесь о ком,
Супругой став твоей, она его забудет,
И верность наблюдать к тебе по гроб свой будет.

Синав

Но может быть, как яд, в уме ее Синав!
Хоть добродетелен сея девицы нрав,
Хоть толь душа ее чиста, коль тело красно,
Но если сердце в ней ко мне, увы! бесстрастно,
К какой утехе мне Ильменою владеть,
Коль буду завсегда ее печальну зреть!

Приветство должностью одной имети стану
И буду зреть ее подвластною тирану?

Гостомысл

Коль склонности не зришь, ты, дочь мою любя!
Ты беден, а она еще бедней тебя.

Синав

Что ты не говоришь, мне все предвозвещает,
Что мне надежда все напрасно обещает.
В какую, небеса, низвержен я напасть!
О вредный жар крови! О бесполезна страсть!
Скажи, о Гостомысл! мое несносно бедство,
И если льзя сыскать к тому какое средство,
Употребляй его, употребляй, мой друг.
Мне радость та мала, что буду ей супруг,
И буду зреть ее с собою на престоле,
На одр и на престол возшедшу поневоле!

Гостомысл

К склонению любви нет больше ничего
Для исполнения желанья твоего;
Что мог, я сделал все, чтоб дать тебе утеху,
Но кроме должности не вижу я успеху.

Синав

О, должность малое веселие в любви,
Прохлада слабая горящая крови!
Куда прибегну я и что начну к отраде!
Я вижу смерть мою в прельщающем мя взгляде.
Живуща в разуме Синавовом краса,
От пагубного дня и лютого часа
Как сердца моего свобода отлучалась,
И мысль моя среди надежды огорчалась,
Терзаючи меня, колеблет весь мой ум,
И нет пристанища моих блудящих дум.
Что сделалось, Синав, что сделалось с тобою!
Сия ль прилична жизнь владыке и герою?
Как войско чтит тебя народ и Гостомысл!
Где делось мужество! Где делся ты, мой смысл!
Когда меня глаза Ильменины прельстили,
Все мужество мое вы, боги, отвратили!
Повсюду я хожу вздыхая и стена:
Ах! есть ли в свете кто несчастнее меня?

Гостомысл

Не ты, о государь, несчастней всех во граде,
Не ты один живешь в любовной здесь досаде,
Рассудок, здравие и мужество губя:
Есть люди, кои в том несчастнее тебя.

ЯВЛЕНИЕ III

Синав и Трувор.

Синав

Сим он смятения и грусти мне прибавил
И в безызвестии лютейшем мя оставил.
Сумнение мое со всем разрешено,
Но кто меня губит, того не внушено.
Любезный Трувор! зри, как брат твой днесь страдает,
Вся злого счастья им ярость обладает.
Скажи, не знаешь ли, возлюбленный мой брат,
Кого полезно толь склонил Ильменин взгляд?
Ах! нет, когда б ты, князь, о сем уведал деле,
Ты б, видя, как мой дух страдает в томном теле,
Давно мне знати дал, чью кровь мне должно лить,
И грудь, в котору мне сей острый меч вонзить.

Трувор

Лишенный вольности, надежды и поною,
Пролей, о государь! своей ту кровь рукою!
Свирепствуй, варварствуй и устремляйся в месть,
Коль можешь острый меч на друга ты вознесть!
Вонзай оружие, сражай его бессловна,
Вот грудь, которая перед тобой виновна!

Синав

Мечту я зрю!.. Ах! ты отъемлешь жизнь мою!

Трувор

Я тайны своя уж больше не таю.
Отмщай сие ты мне, что ею ты крушился!
Рази, доколе я Ильмены не лишился!
Когда отнимешь ты любезну у меня,
Не жалобой одной воздам тебе стена,
Рази теперь! тогда карать меня уж поздно.

Синав

Бывало ль время ты кому толико грозно!
Забуди дружество или сей девы взгляд,
Не будь любовником, или не буди брат!

Трувор
(отходя)

Драгие имена сии священны оба.

Синав

Ужасная любовь! ты мне страшнее гроба!

ЯВЛЕНИЕ IV

Синав
(один)

Се злое таинство открылося уж мне:
Иль то, что слышал я, услышал я во сне!
Вздыхаются власы, и сердце, ах! томится,
Трясется подо мной земля, и небо тмится!
Ильмена!.. Трувор!.. Ах!.. в которую страну
Я с большей жалостью, несчастливый, взгляну!
Мой брат! Любезный брат! я друг тебе не ложно...
Ильмена! мне тебя покинуть невозможно!
Лишь только мой язык то имя наречет,
Великодушие в минуту утечет.
Собрание приятств, прекраснейшее тело!
Все счастье мое отселе отлетело.
Подвластну ныне став прелестной красоте,
Прилично ли прервать, природа, узы те,
Которыми меня преславна кровь сковала,
Где дружба многих лет приятно пребывала?
О дружба! О родство! О хвальные дела!
Судьба, котора нас ко граду привела,
Для сих ли следствий вы пути сюда открыли,
Чтоб мы друг другу рвы к падению изрыли?
И чтобы в брате зрел я лютого врага!
О бедоносный град! Противные брега!
Как мы, пришед сюда, остались со славой,
Кто чаял то, что вы наполнены отравой!
Не знаю, Трувор, я, губимый страстью сей,
Еще ли ты мне брат, иль лютый мне злодей!
Злодей!.. О небеса! Какую мысль имею!
Но братом я тебя назвати не умею;
Отъемлешь у меня, что мне милей всего.
Отъемлешь... отнял уж!.. Что злее мне сего!
О если дружбу он мою еще вспомянет
И мне прелестную любити перестанет,
Великодушие такое чем воздам!
Но привлеченного к Ильмениным очам
Ничто не возвратит уж более к свободе;
Нет краше ничего ее во всей природе.
О боги! О судьба! Скончайте тяжкий стон,
И превратите мне в мечту сей день и сон,
И привидения такие к сердцу люты!
А я зрю въяве вас, о злобнейши минуты!

ЯВЛЕНИЕ V

Синав и Ильмена.

Синав

Позналася уже твоя ко мне любовь.

Ильмена

Что Трувор объявил, я то вещаю вновь.
Зловредная к нему горячность мя склонила,
И с ним меня любовь навек соединила...

Синав

Навек?.. Но помнишь ли, что будешь мне жена,
И что Синаву ты в супружество дана?

Ильмена

Когда, о государь! твоей супругой буду,
По должности тогда я Трувора забуду.

Синав

Сама сказала ты, что ты навек его.

Ильмена

Не долго стану ждать кончанья своего:
И может быть, как жизнь моя с твоей спряжется,
Что в самый тот злой час и дух мой прочь возмется.

Синав

Какой за жар любви готовишь ты удар!
К тому ли во крови моей родился жар!
Час брака нашего ты лютым называешь,
И пораженная грустишь и унываешь,
И вместо всей мне мзды мой тщишься дух мутить!
Изрядно мне любовь стараешься платить.
Иль страсть моя к тебе еще мала быть мнится?

Ильмена

Вспаленный мной твой дух неволею томится!
Ты сердце суетной надеждой возманя,
Против желания, ах! любишь, князь, меня,
Влюбясь, не предузнав хотенью следства злого:
Против желания и я люблю другого.

Синав

Какие с страсти сей собираю я плоды!
Безмерная любовь, сея ль достойна мзды!

Ильмена

Его к Ильмене страсть твоей сильнее страсти,
И больше много раз напасть твоей напасти.
Тебя ко мне любовь в злу горесть привела,
Что ты упорну зришь ту, кто тебе мила.
А Трувор уж ничем тоски не умеряет,
Он верную свою любовницу теряет.

Синав

Прилично ль так тебе себя именовать,
Коль брак велит тебе с ним узы разрывать?

Ильмена

Колико житие не стало мне превратно,
Любовницы его, ах! имя мне приятно.
Еще тебе, еще Ильмена не жена,
Доколь не буду я с тобой сопряжена,
Позволь сим именем Ильмене нарицаться!
Кого ты бедной мне, судьба, велишь лишаться?
Я слабости моей не крою пред тобой:
Смотри на скорбь мою и сжался надо мной,
Дай сердцу моему иметь, чего желает,
И чем оно, и грудь, и кровь моя пылает,
Колико ни храню родительский приказ!
Приятность может ли от сих имети глаз,
Которые тобой на слезы осужденны?
Иль чувства твоя все злобой побежденны,
И сердце варварско в себе имеешь ты?
Какие в том лице ты ищешь красоты
Которо от тебя вседневно увядает?
И здравие и жизнь Ильмену покидает.
Не буди, государь, причиной смерти мне!
Ты начал царствовать с щедротой в сей стране:
Благополучием явил себя народа,
И что произвела на то тебя природа,
Чтоб ты ко истине свой разум простирал
И плачущих рабов ты слезы отирал.
С престола бедных вопль и стон смиренно внемлешь,
Мою ли только жизнь безвинно ты отъемлешь?
И правосудья где искати больше нам,
Когда разрушите его стремишься сам?
Оставь меня! ты тем геройство усугубишь,
И граду покажи, что как меня ни любишь,
Что к увенчанию своих прехвальных дел
Любови пламенной ты славу предпочел,
И как от страсти грудь Синавова дрожала,
Душа над страстью сей победу одержала.

Синав

Какой, жестокая, совет ты мне даешь!
Всей силою меня к бесславию влечешь,
И крою от меня дрожайшие забавы,
В несносной мне тоске велишь искати славы!

Ильмена
(отходя)

Коль ты нежалостлив, отъеми мой живот!

Синав

Что скажешь ты о мне, страны сея народ,
Когда ты слабости души моей познаешь?
Ах! то ли царский долг, что рвешься и стонаешь!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Гостомысл и Ильмена.

Гостомысл

Я вижу скорбь твою и слышу тяжкий стон,
И знаю сам, каков велик тебе урон:
Терять любовника, жар сильный побеждати
И в женской слабости страсть нежну принуждати.
Но ты мне дочь: бори желание любви
И покажи, от чьей родилась ты крови!
Яви, что дух в тебе родительский хранится,
И род его тобой преславно обновится!
Великодушием наполнив краткий век,
Уподобляется бессмертным человек.
Прекрасна и млада, и в самом лучшем цвете,
Любима тем, кто мил тебе всех паче в свете,
Когда сможешь ты себя преодолеть,
Я буду образ свой в любезной дочери зреть!

Ильмена

Я граду покажу, что я тебя достойна,
Но лъзя ли, чтоб душа моя была спокойна,
Когда того, увы! навеки я гублю,
Кого я, отче мой, равно с тобой люблю?

Гостомысл

Где должность говорит или любовь к народу,
Там нет любовника, там нет отца, ни роду:
Синаву общества нарек тебя я мздой,
Ни мне уж, ни тебе нет власти над тобой.
Кто должности своей хранение являет,
Храня ее в бедах, свой дух успокояет,
Страдая за нее, когда он помнит то,
За что он мучится, вся мука та ничто.
Коль чистая душа не хочет быть превратна,
За добродетели и мука ей приятна.

Ильмена

Чтоб я не тронута была моей судьбой,
Когда поражена, родитель, я тобой,
Я тем уже не лъщусь; какое сердце твердо
Возможет обвинить меня немилосердо?
Довольно мужества я, отче мой, явлю,
Что преслушанием тебя не прогневлю.
Довольно должности я жертвую тоскою:
В цветущей младости иду на смерть...

Гостомысл

К покою.
Ты тем скончаешь скорбь и горесть пресечешь,
Но к каковой меня ты скорби привлечешь?
Мне жизнь твоя тяжка, конец тяжчае будет.
Иль мнишь ты, Гостомысл любезну дочь забудет,

В котору всю свою надежду положил
И для которыя на свете он и жил,
То мня, что род его прославится в ней паче?

Ильмена

Но во стенании и в непрестанном плаче
Способна ль буду я веселье приключать,
Которо от меня ты чаял получать?

Гостомысл

А как закроешь ты глаза свои сном вечным,
Могу ли быть тогда я толь бесчеловечным,
Чтоб не встревожил рок сей крепости моей,
И в слабость бы не ввел того в кончине дней,
Кто милости сея поныне жил не чая,
И сына погребал очей не омочая?
Когда из глаз моих ток слезный потечет,
Какую похвалу народ о мне речет?
А слуху моему сей голос будет злобен:
Нам твердый Гостомысл во слабостях подобен!
Хотя ж я слабости на сердце не пущу,
Но дух, тебя лишась, колико возмущу?

Ильмена

Виню ли я тебя, что жизнь тобою трачу?
Не обвиняй меня и ты, что горько плачу:
Вступлю с Синавом в брак, я помню долг и честь;
Но ах! возможно ли такое бремя снести?
Вы прямо видите тоску мою, о боги!
Почто твои в сей град вступили, Трувор, ноги.

Гостомысл

Коль лютую напасть случаи навели,
Крепись и Трувора от мысли удали.
Когда ты с жалостью о нем лицо являешь,
Ты множишь пламень свой и горесть обновляешь.

Ильмена

Желание свое несчастного любить,
Колико я могу, стараюсь избыть.
Стремительно от сей я мысли убегаю,
Но убегающа, совсем изнемогаю.
Повсюду страсть моя гоняется за мной,
Повсюду множит жар и рушит мой покой.
Дражайшу зрака тень повсюду обретаю,
И, истребляя страсть, я страсть мою питаю.
Рассеян весь мой ум, немилосердный рок
Мятет люющийся во мне кровавый ток.
Сама с собою брань имею непрестанно,
Разима, рвусь, стену и стражду несказанно.
Не тако в варварских терзается степях
Невольник, мучимый в темнице и цепях,
Как я, живущая в стране своей природной,
В дни счастья твоего, в дни тихости народной.

Прошла та жизнь, была которая вредна,
И только мучуся я с Трувором одна.

Гостомысл

Которы паче всех о граде сем трудились,
Во счастии своем подобно повредились.
Подобно огорчен и я, и князь Синак
Он в брате зря своих препятствие забав,
Ту мзду, которой ждал, бедою получает:
А Гостомыслу дочь боль вящий приключает.

Ильмена

Конечно, всех грустней Ильмене в сей стране.
Не тако горестно и Трувору, как мне:
Когда престанет быть любовник мой в надежде,
Жить будет без жены противной, как и прежде.
А я, лишась его, тому отдамся в власть,
Кем вся моя, увы! произошла напасть.

Гостомысл

Умолкни! Трувор здесь, сокройся ты отселе!

Ильмена

Сдержись, прискорбный дух, в томящемся, ах! теле.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Трувор.

Трувор

Начто, дражайшая, ты прочь отсель бежишь?
Иль больше уж во мне ты Трувора не зришь?..

Ильмена

Должна повинну быть родительской я власти.

Гостомысл

Для утоления мучительных страсти.

Трувор

Дай зренью моему насытиться теперь!
В сей день пойдет во храм твоя прекрасна дочь
И тамо присягнет навек меня оставить...

Ильмена

В сей день!

Гостомысл
(Ильмене)

Ничто тебя не может уж избавить
От крайности, куда ты должность привела.

Ильмена

На что, судьбина, ты Ильмене жизнь дала!

Трувор

В безмерной ярости Синав меня злословит,
Мне ссылку, а себе в сей день он брак готовит.
Уже во граде всем известен сей приказ,
А я уж навсегда твоих лишаюсь глаз!

Гостомысл

Не огорчай еще его ты части лютой!
Довольствуйся без слез последнею минутой!
Ты, женской крепостью пример ему подав,
Как долгу следовать, подашь ему устав.
(Трувору.)
Коль дева несколько себя преодолееет,
Так мужу более еще того довлееет.

ЯВЛЕНИЕ III

Трувор и Ильмена.

Трувор

Сие ли наша горячности плоды!
Потщимся отвратить толь лютые беды,
Доколе время всей надежды не скончало,
Которо наше все веселие умчало.

Ильмена

В сей крайности, мой князь, толь пламенно любя,
Чего б не сделала Ильмена для тебя!
Но я спасения ни в чем себе не вижу,
И все в отчаяньи на свете ненавижу.

Трувор

Ты слышала, в сей день назначен мой отъезд:
Лишаюся навек я сих приятных мест.
Глаза покажут мне стези моей дороги,
И буду жить я там, где мне прикажут боги.
Коль не гнушаешься быть странника женой,
Коль любишь ты меня, расстанься с сей страной,
И из величества, куда восходишь ныне,
Отважься ты со мной жить в бедности в пустыне,
С презренным, с выгнанным, с оставленным от всех!
Покинь с желанием надежду всех утех,
Которы пышностью князей увеселяют,

И честолюбия ничем не утоляют.
Довольствуйся одним пустынным житием,
Будь мне участница в несчастьи моем,
Которо, коль ты мне вручишь красу и младость,
Во несказанную преобразится радость.

Ильмена

Мое прибежище стенания одни.
О мой несносный рок! О горестные дни!
Негорчаема любовною судьбою,
В уединении, в убожестве с тобою
Со всей охотою покойно б я жила
И младость бы свою в весельи провела.
Но пред родителем как буду я пресдушна?
Каков родитель мой, так я великодушна.
Я знаю, что мне брак противный приключит,
Но с должностью меня ничто не разлучит.

Трувор

Когда бы ты меня не так любила мало,
Так сердце б не такой совет тебе давало.
Когда рассудок наш бесстрастно говорит,
Там кровь хотя жарка, однако не горит.

Ильмена

Колико тщится днесь Ильмена лицемерить!
Хотя бы я клялась, никто не будет верить.
Как я тебя люблю, не можно вобразить,
Нельзя никак любви сильнее заразить,
Что скоро действие, мой князь, тебе покажет,
И кто-нибудь когда о том тебе расскажет.
Правители небес, которых так мы чтим,
Хотят того, чтоб мы уподоблялись им.
Явлюся дочерью геройскою в народе
И, победив себя, дам действовать природе.
Хоть мя в порочну жизнь она не вовлечет,
Но злополучие конечно пресечет.

Трувор

Ты хочешь умереть: тебе ль умереть прилично
Во младости своей, прекрасной необычно?
Живи и слабости любовной не вини,
Живи и грубу мысль, драгая, отмени!

Ильмена

Ничто от мысли сей меня не отвращает.
Живи, где рок тебе жилище обещает;
Я знаю, что тебе меня лишиться жаль,
Но мне моя еще несноснее печаль.

Трувор

Ты верностью меня, драгая, уверяешь,
И ах! без жалости навек меня теряешь.

Мучитель не губит того, к кому он щедр,
Ни льстец, изверженный во свет из адских недр.
В мучительстве, во лъсти, в лютейших сих двух ядах
Нет казни таковой, в твоих какая взглядах.
Глаза твои ко мне в крови являют жар,
А ты готовиши смертельный мне удар!
Рази! и отделяй печальный дух от тела,
И после говори, что жалость ты имела.
Я зрю, что ты одно суровство только чтить,
И долгом то зовешь, что ты меня губишь.
То ложно, что себя ты оным обесславишь,
Когда любовника мучения избавишь:
Сию имея мысль, родитель твой свиреп.

Ильмена

Кто любит, тот всегда в своем рассудке слеп:
А мне с младенчества отцом моим вперенно,
Чтоб сердце было ввек рассудку покоренно.

Трувор

Оставшие часы не медля пролетят.
С какою жалостью покину я сей град:
Той град, где вся моя утеха остается!..
Увы! из глаз твоих источник слез лиется!..
Ты плачешь обо мне!.. Жалей меня, жалей!
Скажи, Ильмена, мне, скажи в тоске моей,
Могу ли я еще надеяться, пылая,
Что ты со мной отсель...

Ильмена

О часть моя презлая!

Трувор

Моя сплетенна часть с твоею навсегда:
Не буду без тебя спокоен никогда.
(Становится на колени.)
Смягчись, дражайшая, отвергни права люты!
И помни, что сии последние минуты
Ко отвращенью бед нам дороги теперь...

Ильмена

Я помню только то, что я герою дочь.

Трувор
(стоя на коленях)

А то забыла ты, коли ко ни страдаешь,
Что ты меня в сей день навеки покидаешь?
Возможно ли сие любовнику снести?
Спасай меня! Еще ты можешь мя спасти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Трувор, Ильмена и Синав.

Синав

Преступка нет нигде подобна сей измене!
Меня нарек отец супругом быть Ильмене.
Ты знаешь то? Твое веселье претекло.

Трувор

Но сердце ей меня супругом нарекло.

Синав

Преступник истины! Рушитель дружбы, братства!
И кровь не делает несправедным препятства.
Враг честности!..

Трувор

Постой! хоть власть тебе дана,
Но Трувору ль терпеть такие имена?
Хотя и должен я тебе повиноваться,
Но я не так рожден, чтоб мне тебя бояться.
Скрепившись ярости толикой уступлю,
А слов ни от кого поносных не стерплю.

Ильмена

Иль душу вы мою еще тесните мало?

Синав
(Трувору)

Названия сии тебе бездельство дало.

Трувор

Бездельство дало мне?

Ильмена
(Трувору)

Престани говорить.

Синав
(Трувору)

Противу ты меня что можешь творить?

Трувор
(вынимает против него меч свой
и бросается на него)

Я буду делать то, что честь теперь вещает.
(Как только Трувор за меч свой ухватился,
в то самое время и Синав то ж делает.)

Ильмена
(бросаясь между их)

Кто более из вас свирепства ощущает?
Коль в злобу вас могла любовью я привлечь,
Вонзай мне в грудь (Синаву) хоть ты,
(Трувору) хоть ты свой острый меч!

Трувор

Любовь, гнев, жалость рвут меня его виною.
Играйте, страсти все, играйте, страсти, мною!
(Кладет меч свой в ножны.)

Синав
(кладет меч свой в ножны и говорит Ильмене)

Я ради лишь тебя не мщу сего ему,
Но дерзостного ты привести должна к тому,
Чтоб прежней не затмил он всей моей приязни,
Когда не хочет пасть на месте лютой казни.

Трувор

Ты казнью мне грозишь?

Ильмена
(Трувору)

Дни жизни мне храня,
Поди отселе, князь, коль ты любил меня!

Трувор

Где я ни буду жить, доколе не увяну,
Тебя, дражайшая, любити не престану.

ЯВЛЕНИЕ V

Синав и Ильмена.

Синав

Ты Трувора к своим пускаешь пасть ногам
В тот день, в который ты со мной идешь во храм?

Ильмена

Прибавьте, небеса, к терпению мне мочи!
Сдержитесь от слез, мои печальны очи!
Не вспоминай его ты больше предо мной!
Я буду без того Синавовой женой.

Синав

Коль горестно тебе сие воспоминанье,
Так, знать, не кончилось еще твое желанье

О получении отъемлемых утех:
Оно погибель мне, тебе и стыд, и грех.

Ильмена

Прискорбная душа не о забавах мыслит
И только лишь одни свои напасти числит.

Синав

Благополучен быть в сей день тобой хочу,
Жду радостей своих, в надежде сей грущу.
Тьмы будущих приятств в уме изображаю,
И представляя то, болезни умножаю.
Синавова любовь зовет тебя на трон...
Скончай, дражайшая, скончай тоску и стон!

Ильмена

Не возмущай еще души моей ты снова!
А я с тобой во храм ийти уже готова.

Синав

Я тамо на тебя корону возложу
И на престол тебя с собою посажу.
Правь город сей со мной, владей странюю сею,
Подобно как душой и жизнью моею!

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Ильмена
(одна)

В какую ты напасть мя, должность, привела!
Вот ради я чего на свете сем жила!
Я знаю, смерть мои напасти окончает,
Но смерть еще меня довольно огорчает.
Необходимо всем то должно претерпеть,
Равно бы было то, когда ни умереть;
Но будучи млада и тем прекрасна зрима,
Кем распаленна я и кем сама любима,
Могу ли без тоски я очи затворить
И страх отважности геройской покорить!
Но жизнь уже к чему? Напрасно устрашаюсь!
Что мне прелестно в ней, того всего лишаясь.
На что мне более желати живота?
Пусть гибнет молодость и мнима красота!
Не для того ль хочу на свете я остаться,
Дабы на всякий час слезами обливаться,
Всегдашней жалобой свой рок изобличать
И смертным и богам стенаньем докучать?
Потребна бедным смерть - дражайший час покою,
Приди и разлучи дух с телом и с тоскою!

Светило дневное, с небесной высоты
Взирающе на все земные красоты,
Представь пред Трувора девицу самую красную
И дай ему забыть любовницу несчастную!
А ты, сей горький плач на радость времена,
Хоть сыщешь и стократ прекраснее меня,
Но в пламени к тебе любовном дорогая
Не сыщешь никогда подобной мне дорогой.

ЯВЛЕНИЕ II

Гостомысл и Ильмена.

Гостомысл

Старайся ты себя преодолеть теперь.
Минуты те пришли уже, любезна дщерь,
В которые тебе крепиться лишь полезно
И гнать из памяти, что толь тебе любезно.
Лишайся Трувора и вместо ты того,
Возшед на трон, будь мать народа своего.
Когда ты отстаешь любовных забавы,
Ищи утех среди величества и славы.
Не гордости тебе отец искать велит,
Престол не тем людей великих веселит,
Но чтоб ты сеяла повсюду добродетель,
На то имеет власть над обществом владетель.
Он все с высокого седалища страны,
Которы от богов ему поручены,
Объемля взорами, брежет и учреждает,
Искореняет ложь и правду утверждает.
В супружество вступив, участницею став
И сердца княжеска, и сил его, и прав,
В сей пышности себя между богов не числи,
И смертна будучи, как смертная и мысли.
От скверных лъстивых уст ты уши отворачивай
И в утеснении невинных защищай.
Храни незлобие, людей чти в чести твердых,
От трона удаляй людей немилосердых
И огради его людьми таких сердец,
Какое показал имея твой отец.
Превозноси людей, ко правде прилепленных,
Разумных и честных, искусством укрепленных,
Премудрости во всех последуй ты делах
И спутницей имей ее во всех путях.
Покровом будь сирот, прибежищем вдовицы:
Яви ты истину под именем царицы
И добродетель здесь, гнушаяся тщеты,
Яви во образе девичьей красоты.
Надеждой веселись, что ты себя прославишь
И подданным своим златые дни восставишь.
Рождай властителей народу своему,
Подай бессмертие ты корню моему;
Не сетуй о своем без пользы ты уроне
И к пользе всей страны ликуй на пышном троне.

Ильмена

Коль мысль рассеяна и разум огорчен,
Коль вечно человек печалью омрачен,
Удобно ли ему быть обществу полезным?
Лишась приятных дум, расставшись с любезным,
Низвергшись в глубину неизреченных бед,
Когда от глаз моих скрывает небо свет,
Когда несчастье мне сердце разрывает
И рок свирепости реками проливает,
К чему потребна я? Кто сетует всегда,
Тот действовать умом не может никогда.

Гостомысл

Ты в случае таком прославишься и паче.
Во дни стенания, в тоске и горьком плаче,
Расставшись с тем навек, кто толь был сердцу мил,
Преодолеть себя есть выше женских сил.
Я знаю то, но сколь сильней супротивленье,
Толи ко хвальнее над ним преодоление.
Превозмогай себя, чтоб город сей сказал:
Кто девы сей отец, рок ясно показал,
С каким к ней бременем зла честь ни приступала,
Ильменина душа под бременем не пала.

Ильмена

Все то, что льстило мне на свете, погубя,
Еще ли мало я провозмогла себя?
Противилася ли родительской я воле?
Не требуй от меня ты крепости днесь боле.
Великодушия того ищи в богах,
Какого ищешь ты в девических сердцах.

Гостомысл

Наш век есть некий путь, к покою нас ведущий,
И зло и благо нам местами подающий:
Хотя что худо в нем, все должны мы сносить,
И сладкие плоды, и горькие вкусить.

Ильмена

Влекущий днесь меня к великолепну сану,
Мой случай бурному подобен океану:
Свергаюсь в ярости воюющих валов
В пучину страшную с высоких берегов.

Гостомысл

Я жалость, как другой, Ильмена, ощущаю,
Но помощи тебе уже не предвещаю,
Коль сердцем тот совет не может обладать,
Который я тебе стараюсь подать.
Ищи, любезна дочь, в терпении успеха,
Ищи: ты вся моя при старости утеха.

Ильмена

Я думала сама, дражайший отче мой,
Что будет навсегда тебе веселье мной,
И было так, но ах! то все переменилось,
Веселье то тебе в болезни превратилось.
О лютый день! О брак! Несносный брак! О храм!..
Ах! Трувор шествует к Ильмениным очам!

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Трувор.

Трувор

Жестоки времена! Несносная премена!
Я зреть тебя пришел в последний, Ильмена!
И ах! в последний раз "прости" тебе сказать.

Ильмена

Увы!

Гостомысл
(Ильмене)

Престань себя надеждою терзать,
Не можешь отвратить суровство лютой части.

Ильмена
(Гостомыслу)

Когда ты мне велел, иду во все напасти.

Трувор
(Ильмене)

Уже готово все к отъезду моему:
Кони запряжены...

Гостомысл

О небо! дай ему
За беспорочну жизнь мою во награжденье
Терпение и сил душевных утвержденье!

Трувор

В унынии моем уже спокойных дней
Не будет для меня, когда расстанусь с ней...
Но час уже пришел терять все, в чем таю,
И все то, что ни есть, что в жизни почитаю!
Вот строгость мя твоя во что теперь ввела!
(Указывая на плачущую Ильмену.)
И вот какую скорбь Ильмене подала!

Ильмена
(плача)

Терзай, судьба, терзай! умножься, рока злоба!
Гони из тела дух, отверзи двери гроба!
Я, долгу следуя, мой отче, в храм иду,
Но ах! под бременем страстей своих паду.
Могуща побеждать крови моей волнение,
Как мне ни тягостно такое исполнение,
Страдание души стерплю иль не стерплю,
Без рассуждения ко браку приступлю,
Без прекословия вдаюсь уже на жертву.
Но если от того меня увидят мертву,
Вспомни ты тогда, что ты меня сразил.
А ты, любезный князь, мне стал толико мил!
Коль склонность наша нам была, увы! бесплодна,
И стала я тебе к смятению угодна,
Услышав о своей драгой противну весть,
Невозможущей сей разлуки злыя снести,
Что уж увянула она, как роза в лете,
И что уж горести не терпит больше в свете,
Вздыхни! но после ты порадуйся тому.
Едина смерть конец несчастью моему!

Трувор

Словами сими ты болезнь мою сугубишь:
Живи, прекрасная, когда меня ты любишь!
О том тебя прошу, а больше ни о чем.
(Гостомыслу.)
По разлучении с Ильменою моем
Надежды, Гостомысл, в тебе едином чаю,
Тебе несчастную любовницу вручаю.
Ты ей отец: храни ты дочь, в ней кровь твоя:
Ты друг мне, в ней душа останется моя.
Увещевай ее, напоминай всечасно,
Чтоб младости своей не тратила напрасно.
(Ильмене.)
Ну! время уж пришло Ильмену покидать...

Ильмена
(в слезах)

Кого мне более вовеки не видать!

Гостомысл
(взяв Трувора за руку)

Не злобствуй на меня, ты мучишься судьбою!
И расстаюсь днесь я в дружестве с тобою.

ЯВЛЕНИЕ IV

Трувор и Ильмена.

Ильмена

Помедли здесь... чего я ныне дожила!
Ах! лучше б никогда я в свете не была!
Тебя ль лишаются твоей любезной взоры!
Дремучие леса и превысоки горы,

Широки озера и пустота степей
Закрыта от моих хотят тебя очей:
Закроют, ежели закрыть они успеют,
Доколе члены, ах! мои не охладуют.
А в сердце ты моем по лютый будешь час,
Котораго себе желала я сто раз,
Который нас отсель на те места преводит,
Отколе к нам никто обратно не приходит.
Но столько мне тоски тот час не приключит,
Как сей, который нас с тобою разлучит.

Трувор

О небо! укрепи ее ослабшу силу
И ободри ее ум томный, мысль унылу!
Дай многи лета жить ей, здравие храня,
И проливай свой гнев на одного меня!
Последующему зловреднейшей судьбине,
Подай утеху мне, живущему в пустыне,
Той славой, как она слух свету разнесет,
Что красота твоя не вянет, но цветет,
И что Ильмена там, где царством обладает,
Из памяти меня еще не выкидает.

Ильмена

Ах, князь! какую ты услышать хочешь весть!
Возмог ли б ты сей слух без озлобленья снести,
Что я, лишась тебя, еще себе подобна?
К неверности такой Ильмена неспособна.

Трувор

Когда отчаянно тобою мне пылать,
Того единого осталось желать,
Чтоб ты свою печаль помалу умеряла
И не рвалась о том, что вечно потеряла.

Ильмена

Противно будет все любовнице твоей,
Противен без тебя и град мне будет сей,
И вся сия страна, и дом, где я рожденна,
И воздух, коим я дышати принужденна!

Трувор

Воззрите, жители небесны, к сей стране!

Ильмена

Пошлите, небеса, скорее смерть ко мне!

ЯВЛЕНИЕ V

Трувор, Ильмена и Паж.

Паж

Ийти ко алтарю...

Ильмена

О злейшие минуты!

Трувор

О нестерпимый час!

Ильмена
(Пажу)

Иду в напасти люты.
(Паж отходит.)
(Трувору.)
Прости... и памятуй, как ты Ильмене мил!

Трувор

Вспоминай и ты, как я тебя любил!..
Бывало ли кому такое огорченье!

Ильмена

Неизреченное, всех выше сил мученье!..
Прости!.. Сдержись, мой дух!

Трувор

Побудь еще ты здесь!

Ильмена
(отходя)

О мой дражайший князь!

Трувор

О как я беден днесь!

ЯВЛЕНИЕ VI

Трувор
(один)

В глазах моих, увы! свет солнечный темнеет,
Хладеет кровь моя, и сердце каменеет,
Трепещет дух во мне, вздымаются власы.
О рок! О грозный рок! О бедственны часы!
На что, природа, ты меня производила!
К чему ты грудь сию, Ильмена, победила!
Уже не буду я тебя, драгая, зреть...
О время! О судьба! Возможно ль то стерпеть!
Не царствуешь, Синав, ты варварство здесь вводишь,

Прежесточайших ты тиранов превосходишь!
Войдем еще, войдем во храмину ея:
К чему отчаянна стремится мысль твоя?
Еще ль любезную ты хочешь востревожить,
Или свою тоску стараешься умножить?
К Синаву ты поди, и что он брат, забудь,
Поди и меч вонзи в мучителеву грудь,
Что ж будут говорить страны сея народы!..
Пренебрегай молву... Но слышу глас природы:
Постой! куда тебя отмщение влечет!
Не варварска в тебе, геройска кровь течет.
Руки моей к тому не допустите, боги!
О Трувор! покидай несчастные чертоги
И, к усмирению бунтующей души,
Спешите из града вон, спешите, скорей спешите,
Когда толика разит твой дух премена!
А ты прости навек, дражайшая Ильмена!

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Гостомысл
(один)

Наполнен наш живот премножеством сует.
Но что я в свете сем? Одушевленный цвет:
Недолго время я в сей жизни пребываю;
Едва рождаюся, уже и истлеваю:
Пред всею вечностью лет осьмдесят иль сто -
Одна минута, миг или совсем ничто.
Доколе существо в нас живность ощущает,
К познанию себя прийти не допускает.
В невежестве своем иметь премудрость мним
И в самолюбии безумство ею чтим.
Не долго смертных век, печалей в нем премного:
Благополучие - мечта, несчастье строго,
Прошедше время в век не возвратится к нам.
Которо есть, то лишь единый миг очам;
Которого мы ждем, тем мы не обладаем,
И может быть, его напрасно ожидаем.
Нет счастья на земли, на небесах оно:
Оставлено богам и смертным не дано.
Дано, но мы его страстями разрушаем,
Друг друга общего спокойствия лишаем.
Где только человек печется о себе,
Жилища тамо нет, о истина! тебе.

ЯВЛЕНИЕ II

Гостомысл и Ильмена.

Ильмена

Сраженная твоим отеческим уставом,
В супружество уже вступила я с Синавом.

Исполнила ли я, чем дочь отцу должна?
Расставься с Трувором, Синаву я жена.

ЯВЛЕНИЕ III

Те ж и Вестник.

Ильмена

Иль Трувора еще печальный град вмещает?..
Но что смущенный твой нам образ возвещает?

Вестник
(Ильмене)

Услышать весть тебе потребно много сил.

Ильмена

Вещай: о бедная!..

Вестник

Кто толь тебе был мил...

Ильмена

Увы!

Гостомысл

Что случилось с ним?

Вестник

С мучением сердечным
Князь Трувор затворил глаза свои сном вечным.

Ильмена

Судьба! взошла тобой на самый верх я бед:
Свершилась часть моя и Трувора уж нет!
Жар нежных любви злой смертью увенчался!
(Вестнику.)
Каким ударом мой любезный князь скончался?
Скажи.

Гостомысл

К чему о том ты хочешь вопрошать?

Ильмена

Хочу мучением я душу утешать.

Гостомысл

Для имени богов...

Ильмена

Противна им измена:
Страдай, плати любовь, о верная Ильмена!
(Гостомыслу.)
Довольно принуждал ты сердце, ах! мое,
Дай волю мне.
(Вестнику.)
Вещай плачевно бытие.

Вестник

С плачевной мыслию он город сей оставил
И в путь по Волховским брегам стопы направил.
В молчании его один был слышан стон,
Который испускал бесперестанно он.
Как слезы он держать в очах ни порывался,
Но из очей его ток слезный проливался.
Не сей имел он зрак, который прежде цвел:
Переменялся вид и зрак его бледнел.
Тяжелые в груди дыхания спирались,
Вздымалась грудь его, и губы запекались.
Как с версту мы пути отъехали за град,
Со колесницы сшед, он очи взвел назад
И жалостно взглянув на отдаленно здание,
Где суетно питал он страстно ожиданье:
Уже по самый гроб расстался я с тобой,
О град! - он рек, - о град, где дух остался мой,
Жилище, где моя любезная стонает
И о любовнике без пользы вспоминает;
В тебе я мужеству хотел сыскать успех,
Сыскал, но что потом? Лишился всех утех,
Которые моею ты младости представил.
Ах! что в тебе я, что, любезный град, оставил!
А ты где, озеро, ни будешь глашено,
Которо именем драгим украшено,
Повсюду возвещай мою несносну муку
И именем своим тверди мою разлуку.
Тверди и то, что я для той, кого любил,
Близь устья Волхова в себя сей меч вонзил...
Едва сии слова лишь только излетели,
Меч был в груди его: мы ток кровавый зрели.
Он пал к нам в руки, мы железо извлекли,
Багряные струи стремительно текли.
Я рану захватил платком своей рукою.
Князь страже говорил: теперь иду к покою.
Коль то, что зрите вы, мне ставите в напасть,
Синавова ее соделала мне страсть.
А ты, сказал он мне, меня зря в части слезной,
По возвращении скажи моею любезной,
Чтоб плакала о том умеренно она,
Что скрылась от меня последняя луна;
Что день, день Труворов тьмой вечной поразился
И солнца для меня луч вечно погрузился.
Прости, Ильмена, - рек, - по смерти я верен был
И, испуская дух, тебя не позабыл.

Прости... при слове сем не стало больше мочи:
Оставил тело дух и затворились очи.

Ильмена

Он чаял при конце, что я на трон всхожу,
А я, кончался, на смерть его гляжу!..

Гостомысл

Кончался?.. на что ты смерть воображаешь?

Ильмена

Ты сам меня, ты сам сей смертью поражаешь.
Не льстися больше тем, чтоб долго я жила:
Преходит время то, в которо я была.
Отверста вечность мне: иду... Куда?.. Не знаю...
Страшусь... дрожу... на что дорогу препинаю!
Пускай разрушится и жизнь и существо:
Мя в нову изведет природу Божество,
И преселюсь из мест, которых ненавижу,
Туда, где - либо я и Трувора увижу.
Мне боги подадут иное бытие
И человечество возобновят мое.
Они всеильны, им в природе все возможно,
И упование Ильменино не ложно.
Но чем уверюсь я, что буду зреть того,
Кто здесь с родителем милее мне всего?
Иль в смерти смертные друг друга не забудут,
И страсти волновать, как здесь, и тамо будут!
Того не может быть, как тот настанет век,
Чтоб был с собой во всем там сходен человек.
Там воля разуму престанет быть преслушна,
Сердца там твердые и мысль великодушна.
А если более не будет там страстей,
Так я не буду, князь, любовницей твоей.
О тайна! от ума ты скрыта нам богами
И в непостижности оставлена судьбами.

Гостомысл

К чему ты, дочь моя, приводишь то на ум?
Освободи себя от тяжких оных дум;
Ты ими мучишься и растравляешь рану.

Ильмена

Я скоро, отче мой, от них свободна стану,
Уже приблизилась ко гробу я, стена;
Когда скончаюся, вспоминай меня:
Не знаешь, близко ль час с тобой моей разлуки
И не в последние ль твои целую руки.

Гостомысл
(обняв Ильмену)

О дочь моя, престань смущати дух отцов!

Ильмена

Смущение легко бываемо от слов:
Увидя действие, смятется дух твой боле:
Не будешь дочери ты зрети на престоле.
Возлюбленна душа драгого моего,
Коль свет присутствия лишился твоего;
В очах моих он пуст и взору неприятен!
О Трувор! если глас живущих мертвым внятен
И может грусть моя проникнута твой сон,
Внемли хотя в мечте сей жалобный мой стон,
И утесняемой немилосердным роком,
Оставь мою вину, что в случае жестоком
Была принуждена Ильмена изменить!..
Льзя ль, боги, должностью свирепство извинить!
Прежалостная тень! О тень окровавленна!
Познай, как грудь моя тобою уязвленна!
Познай, мой князь, тоску, в которой стражду я,
И жертву, кою даст тебе любовь моя!
Кого отъемлешь ты, о строга добродетель!
А ты, который был конца его свидетель,
И как был верен он возлюбленной своей,
Свидетелем теперь будь смерти и моей!
(Заколалась.)

Гостомысл

Я больше смертного себя превозмогаю.
К великодушию лишь только прибегаю.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Гостомысл, Синав и воины.

Синав

Мой друг! известен ли о брате ты моем?

Гостомысл

Известен, государь, известен я о всем.

Синав

Я страсть любовную, но вредну мне и люту,
Конечно получил в несчастнейшу минуту.
Я тщился Трувора на время удалить,
Чтоб только их любовь кипящу утолить.
Но вымысел судьба любви претворила,
Которая меня безумству покорила,
А то безумство мне приятно и теперь:
Люблю, как душу, я твою прекрасну дочь,
И в сей тоске она в уме моем летает.
Наполнен ею ум, и сердце ею тает,
Прелестнее всего она на свете мне.
Но как перед нее предстану в сей вине?
О коль несчастлив я!

Гостомысл

Хоть горько ты стонаешь,
Но всех еще своих несчастий ты не знаешь.

Синав

Скажи, какой еще Синав разим судьбой?

Гостомысл

Ильмена навсегда рассталася с тобой.

Синав

Рассталась навсегда?

Гостомысл

Взгляни на ток сей кровной
И сотвори конец ты мысли днесь любовной!
Се кровь Ильменина.

Синав

Скончалась дочь твоя!

Гостомысл

Тут вышел предо мной из тела дух ея,
Кинжалом жизни здесь она себя лишила.

Синав

Уже ты все теперь, судьбина, совершила,
Ты все свирепости явил, о рок! на мне:
Представил ты меня тираном в сей стране
И злейшей фурией, изверженной из ада.
Я брату недруг стал, изгнал его из града,
Смутил его весь ум, низверг его во гроб,
И к умножению творимых мною злоб,
Каких и дикие в лесах не знают звери,
Лишил при старости отца любезной дщери,
Героя, коим град сей бедства окончал
И кто Синава здесь короною венчал;
Без пользы мучил дух красавицы дражайшей,
Горчайшу сделал жизнь из жизни ей сладчайшей,
И от приятнейших Ильмениных очей
Навеки отлучил свет солнечных лучей...
Покоясь, учинив конец своей судьбине,
О коль прещастливы, любовники, вы ныне!
Вас весь жалеет град, оплакивая вас,
А я стал мерзостью народною в сей час.
Злодейски жалобы с раскаяньем бесплодным,
Без жалости текут уже к сердцам народным.
О жесточайша часть! О солнце, небеса!
Какого дождался, о боги! я часа.

Гостомысл

Тираном, государь, назвать тебя не можно.
А что несчастлив ты, несчастлив ты не ложно.
Но уж не пользует стенание тебе,
Ищи ты крепости и мужества в себе.

Синав

Не ты кинжалом грудь прекрасную пронзила,
Моя рука тебя, моя рука сразила!
Ильмена! отпусти ты мне мою вину.
Кляню злодействие, но поздно уж клянущу.
О сердце варварско! ты паче меры злобно!
Коль страсти истребить мне было неудобно,
Не мог ли своего я кончить живота?
Увяла молодость, увяла красота,
Закрылись очи те, которы кровь палили,
Которы мучили меня и веселили.
Чего ж я жду! Пойдем в тьму вечную за ней.
(Вынимает шпагу, но Гостомысл с воинами
вырывает шпагу из рук его.)
О продолжители злой горести моей!
Вы отняли мой меч: в нем вся моя отрада.
Жить больше не хочу, отстав любезна взгляда.
(Падает в креслы.)
Туман из глаз моих скрывает солнца свет...
Уж нет ни Трувора! ни, ах! Ильмены нет...
Моя кипяща кровь на сердце замерзает...
Или в сей страшный день вселенна исчезает!..
Проникли темноту лучи, сокрыта мгла:
Природа небесам цвет прежний отдала...
Но что вы, воины, вокруг меня дрожите?
Куда отселе все, куда вы прочь бежите?
Печальный Новград, ты рассеян ныне весь.
О чем любезная Ильмена плачет днесь...
Но кто поверженный там очи к небу мещет!
Какой несчастливый в крови своей трепещет!..
Едва, едва дыша, томится человек...
То Трувор, брат мой то: ах! он кончает век!
Прости, любезный брат!.. Сие все мной творимо.
(Восстает.)
О солнце! для чего еще ты мною зримо!
Разлей свои валы, о Волхов! на брега,
Где Трувор поражен от брата и врага,
И шумным стоном вод вещай вину Синава,
Которой навсегда его затмилась слава!
Чертоги, где лила свою Ильмена кровь,
Падите на меня, отмстите злу любовь!
Карай мя небо, я погибель в дар приемлю,
Рази, губи, греми, бросай огонь на землю!..

Конец трагедии

Примечания

Впервые - Синав и Трувор. Трагедия Александра Сумарокова. Спб., 1751. Второе переработанное издание - Спб., 1768 {О характере текстовых исправлений см.: Стенник Ю. В. Две редакции трагедии А. П. Сумарокова "Синав и Трувор". - XVIII век. Вып. 6. М.; Л., 1964, с.

247-257.}. В новой редакции помещена Н. И. Новиковым в ПСВС (ч. III, с. 121-183; 2-е изд. М., 1787, ч. III, с. 121-183).

Вскоре после публикации трагедия была переведена А. Долгоруким на французский язык и перевод был издан в Петербурге (1751). На этот перевод в парижской газете "Journal etranger" (1755, avril) появилась рецензия. Русский перевод рецензии, сделанный Г. В. Козицким, был напечатан в журнале "Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие" (1758, декабрь, с. 507-539), также помещен в ПСВС (ч. X, с. 183-214).

Сумароков работал над трагедией в 1750 г. В основу сюжета пьесы легли сведения, почерпнутые автором также, по-видимому, из "Синописа" (с. 22-23), хотя вся коллизия, связанная с любовью двух братьев к дочери Гостомысла, Ильмене, как и факт княжения Синава в Новгороде, вымышлена автором. Французский критик из "Journal etranger" отмечал, что "содержание его (Сумарокова) трагедии сходственно со многими французскими. Двух братьев, влюбившихся в одну особу, находим мы в некоторых самых лучших трагедиях, которые до сего времени остались на театре, например в "Родогуне", "Никомеде", "Митридаде", "Вританнике", "Радамисте" и прочих; однако никакого другого сходства не сыщется в них с "Синавом и Трувором". В чем можно легко увериться, сносая оную со всеми вышеописанными" (цит. по: ПСВС, ч. X, с. 213). Более ощутимым для критика представлялось влияние на Сумарокова со стороны Шекспира и Расина.

Первая постановка "Синава и Трувора" состоялась 21 июля 1750 г. на сцене "Комедиянтского дома" в Петергофе в присутствии императрицы Елизаветы Петровны (см.: Камер-фурьерский журнал за 1750 год, с. 78). Спектакль был осуществлен силами любительской труппы Сухопутного кадетского корпуса и после неоднократно повторялся на сцене Придворного кадетского театра. 6 февраля 1752 г. трагедия была представлена вновь в присутствии Елизаветы Петровны ярославской труппой во главе с Ф. Г. Волковым в помещении немецкого театра на Б. Морской.

"Синап и Трувор" была, вероятно, самой репертуарной пьесой Сумарокова, поскольку пользовалась особой популярностью у зрителей. Сохранились известия примерно о пятидесяти представлениях ее на сценах русских театров Петербурга и Москвы во второй половине XVIII в. С. П. Жихарев в "Воспоминаниях старого театрала" свидетельствует о том, что трагедию играли на сцене Петербургского театра в начале XIX в. (см.: Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. В 2-х т. Т. 2. Л., 1989, с. 337, 396). Известно о пяти таких постановках - дважды в 1807 и по разу в 1808, 1815 и 1816 гг.

Из исполнителей главных ролей трагедии наиболее прославились И. А. Дмитриевский в роли Синава и Т. М. Троепольская в роли Ильмены. В июльском номере журнала "Пустомеля" (1770) Н. И. Новиковым был помещен отзыв о спектакле с участием этих актеров: "Недавно здесь на придворном императорском театре представлена была "Синав и Трувор", трагедия г. Сумарокова. Трагедия сия играна была по переправленному вновь г. автором подлиннику. <...> ... Что ж касается до актеров, представлявших сию трагедию, то надлежит отдать справедливость, что г. Дмитриевский и г. Троепольская привели зрителей во удивленье. Ныне уже в Петербурге не удивительны ни Гарики, ни Ликены, ни Госсенши" (Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951, с. 278). По воспоминаниям современников, особенно эффектно играл И. А. Дмитриевский в заключительном действии трагедии: "В Синаве - длинный монолог, когда представляется ему тень брата его, - он читал его, подвигаясь со стулом своим назад, как будто преследуем ею, и оканчивал, приподымаясь на цыпочки. Сие простое движение производило удивительное действие на зрителей: все трепетали от ужаса" (Отечественные записки, 1823, ч. XIII, с. 383). Сохранились известия о скандальном представлении этой трагедии на сцене Московского театра, состоявшемся 31 января 1770 г. Несмотря на протесты Сумарокова, заявившего о неготовности актеров, трагедия все же была сыграна по приказу московского главнокомандующего графа П. С. Салтыкова. Актеры не знали ролей, а исполнительница роли Ильмены актриса Елизавета Иванова явилась на сцену в пьяном виде. Спектакль провалился. О перипетиях, связанных с этой постановкой, Сумароков подробно сообщал в письмах (см.: Письма, с. 126-128, 130-133). На рубеже XVIII и XIX вв. в роли Синава на сцене Петербургского театра с успехом выступали П. А. Плавильщиков и А. С. Яковлев.

С. 84. Соединить тобой мое с цесарским племя. - Согласно "Синопису" приглашенные в Новгород варяжские князья пришли "от немец", что дает основание Гостомыслу говорить о породнении с "цесарским племенем".

С. 85. Вообрази себе те страшны времена, // Когда мутился град и вся сия страна... - имеются в виду сообщаемые в "Синописе" сведения о "великом междуусобии и многом нестроении Российстии народи..." (с. 22).

С. 96. Наш младший брат отсель отсутствен... - имеется в виду, вероятно, Рурик, хотя, согласно "Синопису", он был старшим из трех братьев.

С. 106. Чтоб не встревожил рок сей крепости моей... - здесь "крепость" в значении "решимость".

С. 117. Храни незлобие, людей чти в чести твердых... - этот монолог Гостомысла является типичным образцом политического дидактизма Сумарокова, использовавшего свои трагедии как средство напомнить царствующим монархам об их общественном долге.

С. 128. Не льстися больше тем, чтоб долго я жила... - Французский критик из "Journal etranger" усмотрел в этом монологе Ильмены черты знаменитого монолога Гамлета "Быть или не быть..." ("To be or not to be...").

С. 130. Я больше смертного себя превозмогаю - прилагаю силы, превосходящие человеческие возможности.

Источник: <http://sumarokov.lit-info.ru/sumarokov/dramaturgiya/sinav-i-truvor.htm>